

УДК 340

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С «ОПАСНЫМИ И ПРИЛИПЧИВЫМИ» БОЛЕЗНЯМИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА¹

Петрищева Н. С.

Юго-Западный государственный университет

Статья посвящена исследованию нормативных правовых актов, устанавливающих систему противоэпидемических мероприятий в Российской империи в первой половине XVIII века. Анализируются указы и документы делопроизводства, содержащиеся в журналах и определениях Правительствующего Сената и позволяющие представить комплексный характер разрешения проблемы сохранения эпидемиологического благополучия государства законодателем. Рассматриваются общие тенденции государственно-правовой политики, направленные на предупреждение и борьбу с «заразительными» болезнями, в том числе путем введения уголовной ответственности вплоть до смертной казни за нарушения карантинных предписаний.

Ключевые слова: эпидемия, санитарные нормы, противоэпидемические мероприятия, моровой поветрие, моровая язва, чума.

Мировая история хранит множество свидетельств о страшных эпидемиях, сотрясавших человечество в различные периоды и их губительных последствиях. Первые достоверные упоминания о возникновении «заразительных» болезней в Древнерусском государстве содержатся еще в летописных источниках XI века. Вместе с тем, появление любой угрозы для национальной безопасности государства стимулирует совершенствование механизма государственно-правового противодействия. По мере распространения инфекционных болезней и накопления знаний об их контагиозности возникали и первые противоэпидемические мероприятия (захоронение трупов в специально отведённых местах, выставление застав, опечатывание «зараженных» домов, окуривание жилища и одежды можжевельником и т.п.). В результате, к началу XVIII в. накопился значительный нормативный опыт и сформировалась практика применения санитарных мер по предупреждению инфекционных болезней.

В 1704 г. в Россию пришло известие о появлении чумы в Константинополе, откуда она стремительно переместилась в Польшу, а уже в феврале 1705 г. стали поступать сообщения о проникновении «заразы» во Львов и Волынь. После Полтавской битвы чума была перенесена шведскими войсками в Скандинавские страны, свирепствовала в Германии, Прибалтике и вскоре перекинулась на уезды Псковской и Новгородской губерний. По свидетельству доктора медицины Николая Куприянова меры предпринятые Петром I были достойны похвалы «... встретив заразу со своими войсками на польской границе царь тотчас отдал приказ посадить войска на суда в Мариенбурге и отправить их в Ревель, где отделялась дивизия от дивизии на несколько миль и рота на версту от роты, места, зараженные поветрием окружить

---

¹ Данная Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851—2020—0033).

заставами и лишить всякого сообщения с другими, а дома в которых вымирали сжигать со всем что в них находилось» [1,12].

Несмотря на то, что Российская империя имела практический опыт борьбы с «опасными и прилипчивыми болезнями», всякий раз появление новой «заразы» требовало от правительства стремительной мобилизации всех ресурсов. Так, 7 июля 1710 г. был опубликован сенатский указ «Об учреждении по дорогам застав для предохранения от морового поветрия»[2]. На основании данного указа вводились следующие ограничения: на всех путях, идущих от Черкасских городов выставлялись военные заставы, запрещалось пропускать всех следующих в Калугу и прочие города Московской области, устанавливалась уголовная ответственность с наказанием вплоть до смертной казни через повешенье, всем кто попытается обойти заставы и тем, кто «худо будет смотреть и пропустит». Вслед за ним 17 сентября 1710 г. вышел указ «Об осторожности от морового поветрия, оказавшегося в Торжке и Хотиловском яме и о не пропуске без пашпартов проезжающих людей» [3]. Под страхом смертной казни указ запрещал пропускать в Новгород, Тверь и Москву всех лиц, следующих из «зараженных» мест.

Стремясь предотвратить перенос инфекции почтовой службой 29 сентября 1710 г. Ямскому приказу направлено распоряжение «О приеме на заставах во время заразительной болезни писем издали и о держании оных на ветру и окуривании можжевельником» [4]. Документ вводил особый порядок приема и санитарной обработки почтовых писем: их следовало получать на безопасном расстоянии, распечатывать, два-три часа проветривать, окуривать можжевельником, запечатывать и только после переправлять далее. Для объезда «зараженных» территорий перестраивалось сообщение между Петербургом и Москвой через Ладогу, Тихвин, Устюжну, Железопольскую и Кашин. В этой связи 17 ноября 1710 г. стольнику Матвею Головину отправлено постановление «О выдачи по учрежденному от Санкт-Петербурга до Москвы тракту через Ладогу и прочие города по подорожным подводам одним курьерам» [5]. При этом почтовые лошади и подводы предоставлялись только курьерам, доставляющим «государевы письма», всем прочим выдача подорожных запрещалась. Таким образом, правительство пыталось предотвратить повсеместное распространение инфекции, ограничивая работу почтовой службы доставкой исключительно государственной корреспонденции.

Однако, несмотря на все предпринятые меры, заглушить эпидемию не удалось. Она продолжала бушевать на Украине. Поэтому, 27 августа 1711 г. Сенат своим указом постановил учредить в городах Киевской губернии заставы, по случаю продолжающейся в Чернигове «моровой язвы», приостановив любое перемещение между Россией и Малороссией [6]. Дальнейшее развитие инфекции вынудило законодателя опубликовать 17 октября 1711 г. указ «Об учреждении в Киевской губернии застав по случаю оказавшейся в городе Нежине моровой язвы» [7]. В соответствии с указом вокруг Нежина выставлялись заставы с караулами, запрещались все въезды и выезды из города, начальникам Смоленской, Азовской, Московской губерний предписывалось строго следить, чтобы никто из «моровых мест» в их губернии допущен не был.

Этим же указом объявлялось «моровое поветрие» в армии, поэтому всем офицерам и прочим воинским чинам, ехавшим из армии в Москву или иные местности,

надлежало являться с подорожными грамотами к Киевскому губернатору, т.е. без его письменного дозволения пределы губернии не покидать, за нарушение обозначенных требований вводилось наказание по артикулу военному «...чего достойны будут».

Очередное сообщение о вспышке чумы в Константинополе поступило в Россию в 1712 г. от русского посла. И вновь, Сенат отреагировал стремительно, постановив учредить заставы в Киевской губернии [8]. Подтверждая правила, введенные предыдущими указами, Киевскому губернатору Дмитрию Михайловичу Голицыну предписывалось немедленно задержать российского посла Петра Толстого выбывшего из турецкой столицы. Его следовало изолировать в Киеве до особого распоряжения. Впрочем, подобные карантинные меры распространялись на всех лиц, прибывающих из Османской империи.

В 1718 г. проявления чумы были зафиксированы в Старооскольской и Белгородской провинциях. Сенатским указом от 24 октября 1718 г. в провинции из аптекарского приказа направлялись лекари для освидетельствования признаков «моровой язвы» на людях, далее документ содержал традиционное требование об устройении крепких застав на дорогах и установлении на тех же дорогах виселиц для публичного устрашения нарушителей [9].

Тем не менее «моровая язва» проникла на территорию Азовской и Киевской губерний. С подробной инструкцией в губернии был командирован капитан гвардии Горохов. В его задачу входило донесение до местных властей царского распоряжения об организации застав от Днепра до Дона, запрете любого прохода или проезда минуя заставы под страхом смертной казни. Предписывалось дома умерших со всем имуществом и скотом сжечь, курьеров, следующих из «зараженных» мест, останавливать на заставах, письма принимать через огонь, трижды переписывать и только третью копию направлять адресату, а оригинал оставлять на заставе [10]. В этот раз своевременно предпринятые меры позволили не допустить широкого распространения эпидемии, за пределы Киевской и Азовской губерний она не вышла.

1720 год вошел в историю мировых эпидемий как год «Марсельской бубонной чумы». Она свирепствовала на юге Франции и вызвала настоящее смятение в Европе. В ответ на сообщения о появлении «прилипчивой болезни» Петр I распорядился: во-первых, пропускать все корабли, идущие из Франции в Ригу, Ревель, Архангельск в пристани, только при наличии специального разрешения-паспорта, выданного российским послом в Париже, во-вторых, генерал-губернаторам, губернаторам, вице-губернаторам, воеводам пограничных городов направить инструкцию «О мерах и распоряжениях для недопущения из-за границы морового поветрия» [11]. В соответствии с Инструкцией всех въезжающих из моровых мест следовало останавливать на таможенных постах и держать на карантине не менее шести недель, подробно расспрашивать об эпидемии, письма «принимать через огонь». В случае проявления признаков моровой болезни в селении, немедленно прерывать с ним всякую коммуникацию, «зараженные» дома сжигать со всем имуществом, людей выводить в пустынные места.

В результате предпринятых мер в тот год «чумная язва» Россию обошла. Во всяком случае, в соответствии с указом от 10 марта 1720 г. «О возобновлении ярмарки в городе Риге и учреждении оной по-прежнему» [12] снимались запреты на проведение ярмарочных торгов, а в апреле 1720 г. указом «О снятии застав, где была мо-

ровая язва и о предостерегательных средствах против оной, если где впредь откроется» [13] воеводе Шацкой провинции Ляпунову наказывалось в Великороссийских и Малороссийских городах и Слободских полках заставы убрать и объявить населению о свободе перемещения.

В 1722 г. был принят знаменитый Морской регламент Петра Великого [14], в котором подробно определялся порядок действий в случае прибытия в российские порты кораблей из мест где зафиксировано «морское поветрие». В соответствии с Морским регламентом офицеру на брандвахте (дежурный корабль у входа в гавань) надлежало немедленно задержать судно, доложив главному командиру порта. Далее на корабль отправлялись доктор и офицеры для осмотра людей и установления точного временного промежутка с момента предположительного прохождения корабля через опасные зоны. Если на людях обнаруживались признаки чумы, корабль отсылали обратно в море. Когда это не представлялось возможным, в силу технических повреждений судна, корабль сжигали, людей обязательно купали в море, переодевали в чистое платье и отправляли на отдаленные острова. При этом документ требовал «...кормить их как своих». После полного излечения, людей еще шесть недель держали на карантине. Особенно пристально предписывалось в Регламенте осматривать купеческие корабли, прибывающие из Франции и иных мест, где свирепствует «зараза».

Тот факт, что, российское правительство внимательно следило за эпидемической обстановкой в соседних государствах и при малейшей угрозе проникновения чумы на территорию империи вводило карантинные ограничения подтверждает направленная в 1725 г. Инструкция генерал-майору Г.П. Чернышеву об управлении Азовской губернией. Губернатору вменялось в обязанность: «...поведывать накрепко о за поветрии пограничных государств, и уздав о том, учинить в той губернии своей в пристойных местах немедленно заставы крепкие, и поступать как о том указы повелевают» [15]. Подобные инструкции получали губернаторы всех приграничных территорий.

Еще одним нормативным актом, содержащим санитарно-эпидемические нормы, стала Инструкция Московской полицмейстерской канцелярии [16]. Пункт 39 Инструкции требовал от всех жителей города в случае появления в их домах заболевших «моровой язвой» или иной прилипчивой болезнью немедленно сообщать в полицмейстерскую канцелярию. За утаивание сведений о заболевших вводились штрафные санкции.

В 1726 г. эпидемия чумы снова разразилась в Константинополе, в связи с чем в октябре 1726 г. Верховный тайный совет направил Сенату Указ «О не пропуске никого из-за границы через Днепр в Киев без выдерживания карантина по случаю распространявшегося в Царьграде поветрия». Указ содержал стандартные требования – не пропускать через заставы приезжих из морских мест без выдерживания «обыкновенного» карантина» [17].

Однако в 1727 г. чума снова проникла на территорию России и появилась в Астрахани. Интерес представляет система предохранительных мер, против распространения эпидемии, введенная астраханским губернатором Иваном Алексеевичем фон Менгденом. Сначала Астрахань была окружена крепкими заставами, заразившихся людей выводили в поле вместе со священниками для совершения над ними хриси-

анских обрядов и предупреждения разноса инфекции духовными лицами, «зараженные дома» со всем имуществом сжигали. Но в июне 1728 г. в самый разгар эпидемии губернатор распорядился выслать всех жителей Астрахани на поля, бугры и ватаги. До наступления осени они жили в шалашах, для заболевших шалаша возводились на расстоянии не менее версты от лагеря. Любая попытка прямого контакта с заразившимися каралась смертной казнью [18]. По сообщениям Н.К. Щепотьева, ординатора астраханского военного госпиталя эпидемия нанесла огромный урон Астраханской губернии, погибло более половины всех жителей. В итоге комплекс карантинных ограничений позволил не выпустить эпидемию за пределы губернии.

Накопленный законодательный опыт борьбы с эпидемиями первой четверти XVIII в. был обобщен и систематизирован в опубликованном 12 сентября 1728 г. императорском «Наказе губернаторам, воеводам и их товарищам» [19]. Параграф 38 Наказа «Еже ли где явится моровая язва» содержал исчерпывающий перечень установленных законодателем противоэпидемических мероприятий. Во-первых, при проявления первых признаков «заразного» заболевания в любой местности, после проведения освидетельствования докторами или лекарями немедленно доносить об этом в Сенат. Вокруг «заповетренных» селений и городов выставлять крепкие заставы, запрещая любой проход и проезд. Во-вторых, губернаторам и воеводам губерний и провинций, граничащих с «зараженными» территориями, надлежало устанавливать крепкие заставы и перекрывать все въезды в свои губернии из «моровых мест». В-третьих, людей из «зараженных» домов выводить в пустынные места и огораживать завалами леса, пищу и питье оставлять на безопасном расстоянии, не допуская контактов. В-четвертых, дома со всем имуществом скотом и лошадьми, где это было возможно без ущерба соседним строениям сжигать или не допускать в них проникновения. В-пятых, всех приезжающих из «моровых мест» на заставах помещать на шестинедельный карантин, письма и бумаги принимать через огонь, трижды переписывать, и только последнюю копию направлять адресату. Уголовная ответственность в форме смертной казни распространялась на всех, кто попытается обойти заставы, кроме представителей дворянского сословия, последних необходимо было держать под крепкими караулами до особого указания Сената. Исключение, установленное для дворянства представляется вполне закономерным, сословный характер уголовной ответственности являлся неотъемлемым атрибутом законодательства России XVIII века.

В исследуемый период сообщения о «заразительных болезнях» постоянно поступали в Петербург с разных частей Российской империи. Как показывает анализ журнала определений Правительствующего Сената в 1732 г. рассматривались донесения: от лейб-гвардии Преображенского полка поручика Петра Салтыкова о том, что в его вотчине Новосельской волости Вяземского уезда «...крестьяне по всем деревням все лежат и много мрут, на день человек по пяти» [20, с. 2]; из Устюжского уезда о приключившихся в тамошних краях болезнях «...во всех волостях чад ходит и в каждом доме не без болеющего» [20, с. 4]; от статского советника и Казанской губернии губернатора графа Мусина-Пушкина о том, что на одном драгуне появилась язва по осмотру лекаря «болезнь опасная» [20, с. 7]. Следует отметить, что ни одно из обращений не осталось без проверки. В указанные волости в обязательном порядке направлялись уполномоченные должностные лица, и лекари для точного освидетельствования болезни с предписаниями действовать в соответствии

с параграфом 38 Наказа губернаторам, воеводам и их товарищам. Не одно из указанных сообщений не подтвердилось.

Новые тревожные сообщения о распространении чумы на юге Российской империи поступили в Петербург в 1738 г. от командующего войсками Б.К. Миниха. Чума была зафиксирована в Очакове, Кинбурне, Запорожской Сечи. Кабинет министров отреагировал целой серией именных указов, направленных командующим полками о принятии всех мер предосторожности против распространения «опасной и прилипчивой» болезни, при этом по мере нарастания эпидемии изменялась тональность правительствующих указов от методов убеждения к методам угрозы и принуждения.

В частности, в Указе лейб-гвардии майору Гамфу от 10 июля 1738 г. правительство ограничилось требованием введения традиционных карантинных мер для локализации распространения инфекции пределами Очакова [21, с. 52-53]. Указ лейб-гвардии Измайловского полка майору Шипову от 26 июля 1738 г. уже напротив обнаруживает открытое беспокойство и негодование министров о ненадлежащем исполнении предписаний, следствием которых стало проникновение эпидемии на территорию Российской империи. Документ составлен на основе поступивших в Сенат донесений о вспышках чумы в Белгородской провинции и рапорта полкового лекаря Едигея в медицинскую канцелярию, обнаружившего признаки заболевания чумой в слободских полках Св. Луки, Сенков, Купенк [21, с. 86-87].

В Указе от 30 июля 1738 г. тому же майору лейб-гвардии Шипову в ответ на его сообщение о случаях заболевания опасной болезнью не только в Изюмском, но и Харьковском полках приводится общий перечень предупредительных мер. А именно, закрыть зараженные местности, отделить здоровых от больных, никого не выпускать, народу в «тамошних местах» в профилактических целях давать пить по ложке жидкого дегтю, скотину запереть, на всех дорогах караулы выставить, ответственность за неисполнение установленных требований целиком возложить на командиров полков [21, с. 101-102].

Не могли не отразиться в законодательстве опасения правительства по поводу столь стремительного распространения «прилипчивой» болезни и ее возможного проникновения в столицу. 26 июля 1738 г. опубликован Сенатский указ «О мерах по искоренению свирепствующей в Белгороде дикой болезни» [22]. В Белгородскую провинцию направлялись действительный статский советник Алексей Баскаков, доктор от Медицинской канцелярии и лекарь с медикаментами. На Баскакова возлагалась задача установления строжайшего надзора за возведением крепких застав с надежными офицерами и составление регулярных рапортов в Сенат о развитии эпидемической обстановки. Советник наделялся абсолютными полномочиями по наведению порядка на заставах, его распоряжения объявлялись обязательными для всех губернаторов, вице-губернаторов, провинциальных и городских воевод под угрозой «жесточайшего взыскания» в случае неисполнения. Однако, в условиях острого дефицита медицинских кадров, вместо доктора от медицинской канцелярии в провинцию был направлен только лекарь Бекман.

Спустя месяц, правительство явно обеспокоенное ситуацией на юге России где «...людей померло немало» издает новый указ «О мерах по искоренению свирепствующей около Белгорода прилипчивой болезни» [22]. В документе, несмотря на

признание проблемы недостатка служилых кадров для дежурства на «редких» заставах, отчетливо звучит требование во чтобы то не стало обеспечить тотальный контроль за перемещением населения: «...опасные места, где возможно, завалить лесом, а где лесов нет или весьма мало, в тех местах окопать землей ... и накрепко дено и ночью смотреть дабы никто из тех опасных мест и через оные отнюдь проехать и никак прокрасться не могли». «Малолюдство» на заставах предписывалось решить за счет привлечения солдат Белгородского и Киевского гарнизонов, отставных и крестьянских людей. Но особенно тщательно законодатель подходит к вопросу обеспечения безопасности при передаче почтовой корреспонденции. Данный акт содержит подробную инструкцию по организации почтовых станов, требуя учредить две заставы, не доезжая Белгорода и после него, содержать на них «потребное» число надежных курьеров, копиистов и писцов. На каждой заставе следовало трижды переписывать письма и менять курьеров, и только последнюю (шестую) копию письма с новым курьером отправлять в Санкт-Петербург.

Озабоченность кабинета министров развитием эпидемии на юге страны обнаруживается в Указах ген.-кригс-комиссару кн. Трубецкому «О неполучении от него «к немалому удивлению» никаких известий о бывших в Очакове и в тех сторонах болезнях» [21, с. 132-133] и Указе от 20 августа 1738 г. майору лейб-гвардии Шипову [21, с. 156-157] об отсутствии рапортов по ситуации на Украине и в слободских полках. Причем, если от кн. Трубецкого кабинет министров требует впрямь еженедельных отчетов, то в указе майору Шипову акцентируется внимание на «безбожном и безответственном» отношении командиров, пропускающих людей из «зараженных» местностей. Таких командиров Указ именует не иначе как «государевы злодеи», что свидетельствует о причислении такого рода составов к особо тяжким государственным преступлениям. В тоже время в поисках альтернативных методов борьбы с эпидемиями правительство сулит вознаграждение майору в случае успешного преодоления болезни.

Следующий Указ направленный министрами 12 сентября 1738 г. майору Шипову «О получении от него к великому прискорбию, известия о распространении опасной и прилипчивой болезни сверх прежних в Украине мест, на Гадяцкий полк и другие места, об одобрении принятых им мер предосторожности и о принятии их впрямь, согласно с предписаниями, изложенными в указе, послать в малороссийские и слободские полки строгие и под смертной казнию ордеры об осмотре всех жителей и пр.» [21, с. 227-230] подтверждает введенные ранее карантинные ограничения и требует полностью заблокировать село Княжичи. Понимая, что зачастую население опасаясь остаться без крова и нажитого имущества утаивало сведения о возможных контактах с заболевшими, данный указ в целях усиления безопасности предписывает почтовые станы от Севска до Киева перенести на безопасное расстояние, для отправки сообщений в Москву дополнительно поставить заставы: не доезжая Белого города и после него, а также близ Севска, на заставах менять курьеров, все бумаги обрабатывать уксусом. Более того, полковникам, сотским и прочим старшинам слободских полков в городах, селах, деревнях, местечках обследовать «всех наличных обывателей» и выяснить не было ли с марта месяца пришлых людей с низу Днепра, Запорожской Сечи, из слободских и малороссийских полков, Курского уезда Белгородской провинции и, если таковые будут обнаружены немедленно изолировать вместе с домочадцами. При этом, законодатель обращает внимание на отсутствие

надзора за исполнением государственных указов и постановляет всякого «дерзнувшего нарушить карантинные ограничения приговаривать к расстрелу».

К данному Указу прилагалась копия письма полкового лекаря Эдигея о состоянии «проветривающей» в Изюме болезни [21, с. 231-232]. По мнению лекаря, главная вина в размножении «заразы» состоит в «худых учреждениях города», своевременно не принявших меры по выявлению и изоляции заболевших лиц. В результате обстановка достигла критического предела, в городе не осталось людей не только способных ухаживать за больными, но и захоронить умерших. Кроме того, усугубляла ситуацию беспечность самих жителей, перебирающихся в «заражённые дома» после смерти их хозяев. Эдигей сообщает, что еженедельно подавал рапорты о текущем состоянии болезни в Медицинскую и Изюмскую канцелярии, а также генеральному штаб-доктору Шрейберу, однако не по одному из них не получил ответа.

Безусловно, в условиях отсутствия должного надзора за соблюдением карантинных предписаний, слабого уровня медицинских знаний и острого дефицита медицинских кадров: «...я нахожусь здесь один, с подлекарем Корнелиусом..., а из ротных фельдшеров при здешней всей команде обретаются токмо два человека и те больны...» [21, с. 232], подавить эпидемию в короткие сроки вряд ли представлялось возможным.

Между тем, обращают на себя внимание попытки законодателя предупредить даже отдельные случаи перемещения потенциальных носителей вирусной инфекции. Так, в Указе министров от 21 сентября 1738 г. «О мерах предосторожности от опасных болезней, появившихся в некоторых местах об устройстве картина в заражённых местностях с сожжением домов, об убиении и сожжении с рассуждения «докторского» скота в случае появления заразы среди него» [21, с. 251-252] содержится предписание разыскать выехавшего в Москву из местечка Лютенки майора Юрия Еропкина и его родных, разъехавшихся по другим местностям. При обнаружении указанных лиц правительство требовало их немедленной изоляции.

К октябрю 1738 г. вспышки чумы продолжали фиксировать на юге России, на что указывают очередные Указы кабинета министров «О порядке осмотра курьеров, приезжающих из Украины, из мест в коих явилась язвительная прилипчивая болезнь с подтверждением прежних указов о принятии мер предосторожности против распространения указанных болезней» [21, 303-304] и «Об усмотрении с прискорбием из доношения Шипова о появлении в многочисленных новых местах опасной болезни в следствии весьма оплошного смотра и предостережения со стороны властей, с подтверждением прежних указов о приятии всех мер предосторожности против распространения означенной болезни и с повелением иметь постоянное сношение по сему делу с ген-фельдмаршалами гр. Ф. Минихом и ф. Леси, войска коих пребывают в Украине» [21, с. 322-323].

Как видим, из документов опасная болезнь продолжала проявляться в новых местах, при этом фигурировали конкретные разносчики заразы «...на одном пришедшем с Днепровских порогов и еще ... от прихожего тамошнего жителя из Бахмутской провинции». Ответственность за распространение болезни целиком возлагалась на командиров слободских полков, проигнорировавших в очередной раз императорские указы и допустивших проникновение заразы в Белгородскую провинцию.

Таким образом, имея возможность установить нулевого пациента, бездеятельность властей допускала развитие эпидемии.

Несмотря на все требования Кабинета о своевременном оповещении командующих войсками гр. ф. Миниха и гр. ф. Лесси о случаях чумы в конкретных местностях, сообщения от кн. Трубецкого, советника Баскакова и прочих служилых поступали крайне нерегулярно. Впрочем, неоднократное переписывание писем на заставах и многочисленные санитарные манипуляции неимоуемо влекли за собой увеличение сроков доставки корреспонденции. Тем более, что обеспокоенное правительство в отдельные периоды и вовсе запрещало отправку «опасных» писем в столицу.

В ноябре 1738 г. опубликован интересный Сенатский Указ «О мерах к пресечению прилипчивых болезней» [24], где правительство проявило заботу и беспокойство о содержании простых людей, выселенных на пустыри. Во избежание роста заболевших в холодное время года, было велено для таких жителей строить в пустынных местах теплые покои (шалаша или казармы), расселять «...по пропорции», т.е. без тесноты, зараженных от больных отделять, пристойными лекарствами лечить, здоровых беречь всеми «удобовымысленными» способами: не позволять контактировать с заболевшими и их пищей, заставлять окуривать себя можжевеловым, употреблять в пищу разогретый деготь и чеснок.

Похожее распоряжение содержится в журнале определений и доношений Правительствующего Сената за 1739 г. В ответ на сообщение о появившейся при Оренбургской экспедиции в лагере сибирского полка на драгунах, солдатах и обретающихся в Миясской крепости обывателях «опасной болезни от которой люди скоропостижно умирают» Кабинет распорядился отделить больных от здоровых в особое удобное место и смотреть чтобы они в нынешнее осеннее время нужды в одежде и в пище не понесли [20, с. 27].

В тоже время, министрам поступали сообщения об отдельных нарушениях на заставах. К примеру, в донесении воронежского вице-губернатора Лукина значилось о задержании людей, проходящих мимо застав с признаками «моровой язвы». Пойманных нарушителей следовало обязательно допросить. И прежде всего выяснить, каким образом они обошли заставы, если сами в обход – немедленно расстрелять, если же кто пропустил, то выведать «кто и с какой целью такую дерзость учинил». Из указа кн. ген-фельдмаршалу гр. ф. Лесси от 14 ноября 1738 г. следовало, что острая нехватка в его войсках провианта, фуража и прочей провизии случилась по вине задержки на заставах, причем не только провизии, но и офицеров, следующих из безопасных мест [21, с. 377-379]. В ответ, правительство делегировало гр. ф. Лесси право учинить на заставах порядки по собственному усмотрению, всех виновных и преднамеренно допустивших нарушения арестовывать и судить по закону.

Безусловно нарушения на заставах не являлись редкостью, в тоже время вряд ли исполнимым представляется установление тотального контроля за перемещением населения южных губерний, тем более в условиях ведения активных военных действий.

До конца 1739 г. вести о вспышках чумы приходили из Харькова, Азова, Воронежа, Белгорода, Изюма и других мест. Только к началу 1740 г. можно говорить о затухании эпидемии на Украине. О чем свидетельствует очередной именной указ генерал – майору Шипову «Об открытии ярмарок в Малороссии, по случаю пресе-

чения опасной болезни» датированный 10 мая 1740 г. Данный Указ снимает запрет на проведение ярмарок в малороссийских городах, разрешая приезжать «всяким людям с товарами». Правда, опасаясь рецидива, законодатель предупреждает «...ежели где опасная болезнь появиться, то немедленно такие приезды запретить» [25].

Южные губернии России в это время являлись далеко не единственным источником эпидемической опасности. Так, в ноябре 1738 г. кабинет министров издаёт резолюцию на доклад Сената «О не пропуске в Россию людей и товаров из мест, где свирепствует моровое поветрие» [26]. Появление Указа вызвано необходимостью урегулировать вопросы транспортировки товаров из Персии через Астрахань. Поскольку в отдельных персидских районах были зафиксированы вспышки чумы правительство ввело запрет на ввоз иранских товаров. Это наносило весомый ущерб транзитной торговле шелком сосредоточенной в руках российского, армянского и иранского купечества. Пользуясь с 1735 г. правом беспошлинной торговли персидские купцы упорно наращивали объемы ввозимого в Астрахань шелка-сырца, введение карантинных ограничений явно не вписывалось в их «программу обогащения». В связи с чем в Сенат поступила челобитная от представителей Персидской Армянской кампании Ивана Варнакова, Давыда Гаврилова о пропуске их товаров, вывезенных еще летом из благополучных мест. Товары выдержали двойной карантин, из-за чего пришли в негодность и потеряли половину стоимости от закупочной цены. Интересно, что после погрузки и проверки товара в числе прочих в них «...не ведомо каким случаем» оказались три полутайки (тюка) Генжинского шелка, вывезенного как раз из «зараженной» провинции. Учитывая данное обстоятельство, кабинет министров постановил: после выдерживания шестинедельного карантина пропускать людей и товары из безопасных мест, а шелк Генжинский удерживать на заставе и в Россию не пускать до специального разрешения, и впредь людей и товары из «заповетренных» мест не пропускать [26].

В тоже время, получив сведения о появлении опасной болезни в княжестве Литовском в марте 1739 г. кабинет министров приказал от Рижской губернии к Польше и Литве учредить заставы и кроме чужестранных с паспортами, никого за границу не пропускать, а приезжающих оттуда заставлять выдерживать шестинедельный карантин [27]. Однако, учитывая последствия введения ограничительных мер для государственной казны в документе санкционировалось: если рижские купцы торгуют в тех местах и городах где опасные болезни не зафиксированы, то пропускать их с товарами свободно.

Разумеется, «южная эпидемия 1738-1740 гг.» заставила законодателя обратить пристальное внимание на предупреждение заноса «прилипчивых» болезней в Россию из «неблагополучных» приграничных областей. Прежде всего, определялись потенциально опасные зоны, при них на заставах строились карантинные дома. По Указу императрицы Елизаветы Петровны от 22 февраля 1755 г. «Об учреждении при пограничных таможах карантинных домов и об определении к ним докторов» [28] такие учреждения для осмотра и задержания в случае необходимости всех приезжающих и товаров появились в Василькове и Смоленске. Карантинным домом заведовал доктор, (лицо, имеющее высшую медицинскую степень). На остальных заставах, подведомственных главным форпостам, служили лекари. Учитывая, что

устройство и содержание карантинных учреждений с лекарями требовало дополнительных расходов из казны, к тому же длительные проверки и задержки товаров на границе влекли за собой немалые убытки для торговых людей, правительство серьезно и обстоятельно подходило к вопросу устройства подобных заведений. Как следует из Указа от 15 апреля 1755 г. «О неимении при пограничных Сеньковской, Тайповской, Дерптской таможенных карантинных домов и об устройстве таковых при Бахмутской и Царицынской» [29] открытие карантинных домов на внутренних таможенных через которые напрямую не проходили турецкие товары не являлось целесообразным. В то же время Воронежской губернской канцелярии поручалось подготовить и представить Штатс-конторе смету на строительство карантинных учреждений при вновь открытых заставах (Бахмутская и Царицынская) пропускающих товары из Крыма и Кубани откуда «...самая опасность есть». Астраханской губернской канцелярии вверялось обосновать наличие или отсутствия необходимости открытия Кизлярского карантинного дома с лекарем. В самой Астраханской губернии таможня была организована еще в 1737 г. Сенатским Указом от 28 июня «О бытии в Астраханской губернии на персидской границе брандвахтам и заставам, для предосторожности от морового поветрия» [30]. Спустя 20 лет в 1757 г. указом от 13 мая «О бытии в Астрахани губернскому доктору» [31] вводилась должность штатного доктора.

Проведенный анализ нормативных актов показал, что в первой половине XVIII в. над Российской империей неоднократно нависала угроза масштабного распространения эпидемических болезней. Достоверных оснований утверждать, что отмеченные нами инфекционные вспышки являлись чумой не выявлено. Для обозначения такого рода болезней законодатель использует весьма разнообразную терминологию: опасная и прилипчивая, заразительная, дикая болезнь, моровое поветрие, моровая язва, чумная язва. По всей вероятности, подобные определения подчеркивали высокий риск развития контагиозной инфекции. В то же время не всегда опасные болезни признавались прилипчивыми, и напротив не всякая прилипчивая болезнь объявлялась опасной.

Поэтому, введение строгих карантинных мер предваряло квалифицированное медицинское заключение, подтверждающее или опровергающее факты заболевания чумой.

На протяжении всего периода правительство находилось в постоянном поиске новых и совершенствовании давно известных санитарно-эпидемических мероприятий. К примеру, еще в начале XVIII в. безопасным признавалось переписывание писем трижды, а в середине столетия писали шесть и более копий, бумагу обрабатывали уксусом и окуривали можжевельником. Больных отделяли от здоровых и выселяли в отдаленные места, на приграничных таможенных для выдерживания карантина, срок которого в среднем составлял шесть недель, строили специальные дома.

Изобилие поступающих в Сенат сообщений о возможных проявлениях чумной инфекции из различных уголков страны указывает на значимость превентивного направления государственно-правовой противоэпидемической политики. Абсолютно логичным представляется, стремление законодателя купировать инфекционные очаги. В связи с чем, все государственные указы содержат требования о возведении крепких застав и запрете любого перемещения населения. Собственно, как показала

пандемия COVID-19, и в настоящее время строжайшая изоляция является самым действенным способом борьбы с эпидемиями.

Список литературы:

1. Куприянов, Н.Г. История медицины России в царствование Петра Великого, составленная Николаем Куприяновым, доктором медицины, действительным членом Общества русских врачей и Общества попечения о раненых и больных воинах. / Н.Г. Куприянов. - Санкт-Петербург: тип. Я. Трея, 1872. - 16 с. - // Российская государственная библиотека: [сайт]. - 2022. - URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003585213> (дата обращения: 11.04.2022). - Текст: электронный.
2. Об учреждении по дорогам застав для предохранения от морового поветрия от 7 июля 1710 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 4. - № 2280. - Текст непосредственный.
3. Об осторожности от морового поветрия, оказавшегося в Торжке и Хотилковском яме и о не пропуске без пашпартов проезжающих людей от 17 сентября 1710 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года.] - Т. 4. - № 2296. - Текст непосредственный.
4. О приеме на заставах во время заразительной болезни писем издали и о держании оных на ветру и окуривании можжевеловым от 29 сентября 1710 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 4. - № 2200. - Текст непосредственный.
5. О выдачи по учрежденному от Санкт-Петербурга до Москвы тракту через Ладогу и прочие города по подорожным подводам одним курьерам от 17 ноября 1710 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 4. - № 2209. - Текст непосредственный.
6. Об учреждении в городах Киевской губернии застав, по случаю продолжающейся в Чернигове моровой язвы от 27 августа 1711 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 4. - № 2418. - Текст непосредственный.
7. Об учреждении в Киевской губернии застав по случаю оказавшейся в городе Нежине моровой язвы от 17 октября 1711 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 4. - № 2441. - Текст непосредственный.
8. Об учреждении в Киевской губернии впредь до указа застав, для предосторожности от моровой язвы, появившейся Константинополе от 7 августа 1712 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 4. - № 2568. - Текст непосредственный.
9. О посылке из Аптекарского приказа в Старооскольскую и Белгородскую провинции лекарей для осмотра на людях моровой язвы, об устройении на дорогах крепких застав и в удобных местах виселец, дабы, никто не проезжал, под смертной казнью от 24 октября 17123 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 5. - № 3234. - Текст непосредственный.
10. Инструкция гвардии капитану Горохову, - отправленному в Киевскую и Азовскую губернии по случаю открывшегося там морового поветрия от 17 ноября 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 5. - № 3237. - Текст непосредственный.
11. Инструкция пограничных городов генерал-губернаторам, губернаторам, вице-губернаторам и воеводам. - О мерах и распоряжения для недопущения из-за границы морового поветрия // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 6. - № 3702. - Текст непосредственный.
12. О возобновлении ярмарки в городе Риге и учреждении оной по-прежнему от 10 марта 1720 // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 6. - № 3539. - Текст непосредственный.
13. О снятии застав где была моровая язва и о предостерегательных средствах против оной, если где впредь откроется от 5 апреля 1720 г. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 6. - № 3562. - Текст непосредственный.
14. Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского от 5 апреля 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 6. - № 3937. - Текст непосредственный.
15. Инструкция генерал-майору Чернышеву. - Об управлении Азовской губернией от 22 апреля 1725 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 7. - № 4700. - Текст непосредственный.
16. Инструкция, данная Московской Полицмейстерской канцелярии от 10 декабря 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. - Т. 6. - № 4130. - Текст непосредственный.

17. О не пропуске никого з-за границы через Днепр и в Киев без выдерживания карантина, по случаю распространившегося в Царьграде поветрия от 26 октября 1726 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 7. - № 4972. – Текст непосредственный.
18. Щепотьев, Н. К. Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии / Н.К. Щепотьев, орд. Астрах. воен. госпиталя. – Казань : тип. Ун-та, 1884. - [2], II, II, 164 с. - // Библиотека русского географического общества : [сайт]. – 2022. - URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/216722> (дата обращения: 11.04.2022). – Текст: электронный.
19. Наказ генерал-губернаторам и воеводам, и их товарищам, по которому они должны поступать // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т. 8. - № 5333. – Текст непосредственный.
20. Сенатский архив. – Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1888-1913. - 26 см. Журналы и определения Правительствующего сената: [Некоторые журналы и определения Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг.]. – 1889. – 647, 71 с. // Российская государственная библиотека: [сайт]. – 2022. - URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003585213> (дата обращения: 09.04.2022). – Текст: электронный.
21. Сборник Русского исторического общества. – СПб. -Тип. А. Траншеля. – 1867-1916. // РУНИВЕРС: [сайт]. – 2022. – URL: <https://runivers.ru/lib/book9408/482792/>(дата обращения: 09.04.2022). – Текст: электронный.
22. О мерах к искоренению свирепствующей в Белгороде дикой болезни от 26 июля 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. - № 7623. – Текст непосредственный.
23. О мерах по искоренению свирепствующей около Белгорода прилипчивой болезни от 1 сентября 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. - № 7648. – Текст непосредственный.
24. О мерах к пресечению прилипчивой болезни от 20 ноября 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. - № 7691. – Текст непосредственный.
25. Об открытии ярмарок в Малороссии, по случаю пресечения опасной болезни от 10 мая 1740 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.11. – № 8101. – Текст непосредственный.
26. О непропуске в Россию людей и товаров из мест, где свирепствует моровое поветрие от 20 ноября 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. – № 7693. – Текст непосредственный.
27. О предосторожностях и мерах к отвращению опасных болезней, распространившихся в Княжестве Литовском от 8 марта 1739 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. – № 7772. – Текст непосредственный.
28. Об учреждении при пограничных таможенных карантинных домов, и об определении к ним докторов от 22 февраля 1755 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.14. - № 10.365. – Текст непосредственный.
29. О неимении при пограничных Сеньковской, Тайповской и Дерптской таможенных карантинных домов и об устройстве таковых при Бахмутской и Царицынской от 15 апреля 1755 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.14. - № 10.393 – Текст непосредственный.
30. О бытии в Астраханской губернии на Персидской границе брандвахтам и заставам, для предотвращения от морового поветрия от 28 июня 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.10. - № 7299 – Текст непосредственный.
31. О бытии в Астрахани губернскому доктору от 15 мая 1757 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: [С 1649 по 19 ноября 1825 года]. – Т.14. - № 10.725 – Текст непосредственный.

Petrishcheva N.S. Historical experience of combating «dangerous and sticky» diseases in the legislative acts of the Russian state of the first half of the XVIII century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – P. 68-82.

The article is devoted to the study of normative legal acts establishing a system of anti-epidemic measures in the Russian Empire in the first half of the XVIII century. The decrees and paperwork documents contained in the journals and definitions of the Governing Senate are analyzed and allow presenting the complex nature of solving the problem of preserving the epidemiological well-being of the state by the legislator. The general trends of state and legal policy aimed at preventing and combating "contagious" diseases, including through the introduction of criminal liability up to the death penalty for violations of quarantine regulations, are considered.

Keywords: epidemic, sanitary standards, anti-epidemic measures, pestilence, plague.

Spisok literatury:

1. Kupriyanov, N.G. Istoriya mediciny Rossii v carstvovanie Petra Velikogo, sostavlenaya Nikolaem Kupriyanovym, doktorom mediciny, dejstvitel'ny'm chlenom Obshchestva russkikh vrachej i Obshchestva popecheniya o ranenyyh i bol'nyh voynah. / N.G. Kupriyanov. - Sankt-Peterburg: tip. YA. Treya, 1872. - 16 s. - // Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka: [sajt](#). - 2022. - URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003585213> (data obrashcheniya: 11.04.2022). - Tekst: elektronnyj.
2. Ob uchrezhdenii po dorogam zastav dlya predohraneniya ot morovogo povetriya ot 7 iyulya 1710 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 4. - № 2280. - Tekst neposredstvennyj.
3. Ob ostorozhnosti ot morovogo povetriya, okazvshegosya v Torzhke i Hotilovskom yame i o ne propuske bez pashpartov proezhchayushchih lyudej ot 17 sentyabrya 1710 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 4. - № 2296. - Tekst neposredstvennyj.
4. O prieme na zastavah vo vremya zarazitel'noj bolezni pisem izdali i o derzhanii onyh na vetru i okurivanii mozghevel'nikom ot 29 sentyabrya 1710 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 4. - № 2200. - Tekst neposredstvennyj.
5. O vydachi po uchrezhdennomu ot Sankt-Peterburga do Moskvy traktu cherez Ladogu i prochie goroda po podorozhny'm podvodam odnim kur'eram ot 17 noyabrya 1710 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 4. - № 2209. - Tekst neposredstvennyj.
6. Ob uchrezhdenii v gorodah Kievskoj gubernii zastav, po sluchaju prodolzhayushchejsya v Chernigove morovoj yazvy ot 27 avgusta 1711 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 4. - № 2418. - Tekst neposredstvennyj.
7. Ob uchrezhdenii v Kievskoj gubernii zastav po sluchayu okazvshejsya v gorode Nezhine morovoj yazvy ot 17 oktyabrya 1711 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 4. - № 2441. - Tekst neposredstvennyj.
8. Ob uchrezhdenii v Kievskoj gubernii vpred' do ukaza zastav, dlya predostorozhnosti ot morovoj yazvy, poyavivshejsya v Konstantinopole ot 7 avgusta 1712 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 4. - № 2568. - Tekst neposredstvennyj.
9. O posylke iz Aptekarskogo prikaza v Starooskol'skuyu i Belgorodskuyu provincii lekarej dlya osmotra na lyudyah morovoj yazvy, ob ustroenii na dorogah krepkih zastav i v udobnyh mestah viselec, daby, nikto ne proezhal, pod smertnoj kaznyu ot 24 oktyabrya 1712 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 5. - № 3234. - Tekst neposredstvennyj.
10. Instrukciya gvardii kapitanu Gorohovu, - otpravlennomu v Kievskuyu i Azovskuyu gubernii po sluchaju otkryvshegosya tam morovogo povetriya ot 17 noyabrya 1718 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 5. - № 3237. - Tekst neposredstvennyj.
11. Instrukciya pogranychnyh gorodov general-gubernatoram, gubernatoram, vice-gubernatoram i voevodam. - O merah i rasporyazheniya dlya nedopushcheniya iz-za granicy morovogo povetriya // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 6. - № 3702. - Tekst neposredstvennyj.
12. O vozobnovlenii yarmarki v gorode Rige i uchrezhdenii onoj po-prezhnemu ot 10 marta 1720 // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 6. - № 3539. - Tekst neposredstvennyj.
13. O snyatii zastav gde byla morovaya yazva i o predosteregatel'nyh sredstvah protiv onoj, esli gde vpred' otkroetsya ot 5 aprelya 1720 g. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 6. - № 3562. - Tekst neposredstvennyj.
14. Reglament o upravlenii Admiraltejs'tva i verfi i chast' vtoraya Reglamenta Morskogo ot 5 aprelya 1722 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 6. - № 3937. - Tekst neposredstvennyj.
15. Instrukciya general-majoru Chernyshevu. - Ob upravlenii Azovskoj guberniej ot 22 aprelya 1725 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 7. - № 4700. - Tekst neposredstvennyj.
16. Instrukciya, dannaya Moskovskoj Policmejsterskoj kancelyarii ot 10 dekabrya 1722 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 6. - № 4130. - Tekst neposredstvennyj.
17. O ne propuske nikogo z-za granicy cherez Dnepr i v Kiev bez vyderzhivaniya karantina, po sluchaju rasprostranivshegosya v Car'grade povetriya ot 26 oktyabrya 1726 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: [S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda](#). - T. 7. - № 4972. - Tekst neposredstvennyj.
18. SHCHepot'ev, N. K. CHumnye i holernye epidemii v Astrahanskoj gubernii / N.K. SHCHepot'ev, ord. Astrah. voen. gospitalya. - Kazan' : tip. Un-ta, 1884. - [2], II, II, 164 s. - // Biblioteka russkogo geograficheskogo obshchestva : [sajt](#). - 2022. - URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/216722> (data obrashcheniya: 11.04.2022). - Tekst: elektronnyj.

19. Nakaz general-gubernatoram i voevodam, i ih tovarishcham, po kotoromu oni dolzhny postupat' // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T. 8. - № 5333. – Tekst neposredstvennyj.
20. Senatskij arhiv. - Sankt-Peterburg: Senatskaya tip., 1888-1913. - 26 sm. Zhurnaly i opredeleniya Pravitel'stvuyushchego senata: [Nekotorye zhurnaly i opredeleniya Senata za 1732, 1735, 1737, 1738 i 1739 gg.]. - 1889. - 647, 71 s. // Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka: □sajt□. – 2022. - URL: <https://search.rsl.ru/record/01003585213> (data obrashcheniya: 09.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
21. Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb. -Tip. A. Transhelya. – 1867-1916. // RUNIVERS: □sajt□. – 2022. - URL: <https://runivers.ru/lib/book9408/482792/>(data obrashcheniya: 09.04.2022). – Tekst: elektronnyj.
22. O merah k iskoreneniyu svirepstvuyushchej v Belgorode dikoj bolezni ot 26 iyulya 1738 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T.10. - № 7623. – Tekst neposredstvennyj.
23. O merah po iskoreneniyu svirepstvuyushchej okolo Belgoroda prilipchivoj bolezni ot 1 sentyabrya 1738 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T.10. - № 7648. – Tekst neposredstvennyj.
24. O merah k presecheniyu prilipchivoj bolezni ot 20 noyabrya 1738 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T.10. - № 7691. – Tekst neposredstvennyj.
25. Ob otkrytii yarmarok v Malorossii, po sluchayu presecheniya opasnoj bolezni ot 10 maya 1740 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T.11. - № 8101. – Tekst neposredstvennyj.
26. O nepropuske v Rossiyu lyudej i tovarov iz mest, gde svirepstvuet morovoe povetrie ot 20 noyabrya 1738 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T.10. - № 7693. – Tekst neposredstvennyj.
27. O predostorozhnostyah i merah k otvrashcheniyu opasnyh boleznej, rasprostranivshihsya v Knyazhestve Litovskom ot 8 marta 1739 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T.10. - № 7772. – Tekst neposredstvennyj.
28. Ob uchrezhdenii pri pogranych tamozhnyah karantinnyh domov, i ob opredelenii k nim doktorov ot 22 fevralya 1755 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T.14. - № 10.365. – Tekst neposredstvennyj.
29. O neimenii pri pogranych Sen'kovskoj, Tajpovskoj i Derptskoj tamozhnyah karantinnyh domov i ob ustrojstve takovyh pri Bahmutskoj i Caricynskoj ot 15 aprelya 1755 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T.14. - № 10.393 – Tekst neposredstvennyj.
30. O bytii v Astrahanskoj gubernii na Persidskoj granice brandvahtam i zastavam, dlya predotvrashcheniya ot morovogo povetriya ot 28 iyunya 1737 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T.10. - № 7299 – Tekst neposredstvennyj.
31. O bytii v Astrahani gubernskomu doktoru ot 15 maya 1757 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: □S 1649 po 19 noyabrya 1825 goda□. – T.14. - № 10.725 – Tekst neposredstvennyj.